

Посвящаю эту книгу всем умным, неутомимым, неистовым, смешным, хулиганистым и талантливым женщинам, с которыми я имею счастье быть знакома. Спасибо, что каждый день утверждаете меня в мысли, что женская дружба — самое сильное в жизни волшебство. Жду не дожусь, когда мы вместе состаримся и переедем в поместье Муншайн. Чур, комната с кроватью на дереве моя!

Ведьмы поместья Муншайн

Урсула

Ведьма-ясновидящая

Коренастая, глаза ярко-синие, волосы пепельные, коротко стриженные, скромная, все время сомневается в себе, кое-что скрывает от остальных.

Иезавель

Ведьма-соблазнительница

Волосы длинные черные, глаза карие с поволокой, красивая, отвечает за выпивку в доме, похотливая, нравом неукротимая, меняет любовников как перчатки.

Айви

Ведьма-ботаник

Высокая, седые волосы заплетены в косу и уложены в пучок, глаза зеленые, носит очки в тонкой металлической оправе, вся в татуировках, дотошная, официальная хозяйка поместья, следит за всеми.

Табита

Ведьма-агорафоб

Имеет лицо упокоившейся ведьмы, происхождения африканского, носит платье с подплечниками, вечно хмурая, обидчивая, имеет домашнюю питомицу по имени Виджет, точит зуб кое на кого.

Квини

Ведьма-изобретательница / ответственная за сестринство

Носит дреды, как у Боба Марли, любит ходить в ботинках «Док Мартенс», грубоватая, нетерпеливая, хранит в карманах всякую всячину.

Руби

Отсутствует в поместье.

Очень необычная, яркая, несравненная. Вырвана из привычной среды обитания.

1

Суббота, 23 октября
Утро

За полчаса до сигнала тревоги, не звучавшего вот уже много десятков лет (четыре суматошные старухи и престарелая ворона сорвутся из-за него со своих мест в разных концах поместья и побегут к месту сбора), Урсула просыпается от настойчивого стука. Такое ощущение, что невидимый великан барабанит костяшками пальцев по оконному стеклу. Это очень плохой знак, первый в череде многих других.

Вырвавшись из паутины сна, Урсула кряхтя откидывает одеяло — эх, старые больные косточки. Урсула привыкла спать голышом, сейчас она даже более голая, чем при рождении (ибо была из того редкого числа младенцев, что родились в сорочке).

Шлепая босыми ногами по полу, Урсула подходит к окну и наконец понимает, откуда исходит этот странный стук: толстая ветвь ангельского дуба колотится о стекло ее окна на третьем этаже. Дерево сотрясают сильные порывы ветра, оно словно танцует шимми, что удивительно. Ведь многие женщины знают: надо танцевать так, как будто на тебя никто не смотрит. Хотя, впрочем, возможно, дерево трясется от страха.

Лес, почти подступивший к саду поместья Муншайн, тоже беспокоен. Деревья гнутся к земле, словно кланяясь невидимому хозяину. Угольно-черное небо вихрится, все птицы разлетелись кто куда, а деревья беспрестанно о чем-то перешеп-

тываются. То ли делятся секретами, то ли предупреждают о чем-то — Урсула не может разобрать, и это еще сильнее выбивает ее из колеи.

Установленная на самой границе поместья огромная растяжка «*Скоро здесь будет мегакомплекс Кричли Хэкл*» трещит на ветру, словно разряды грома. Вот-вот разразится ливень — чтобы понять это, не требуются магические познания Айви.

Отвернувшись от зловещего пейзажа, Урсула направляется к календарю, чтобы отметить еще одну бессонную ночь. Даже трудно представить, сколько их было — до бесконечного много. Через два дня возвращается Руби, тогда-то и решится судьба Урсулы.

Потому что либо Руби знает правду, либо нет.

А если она все-таки *знает*, то, скорее всего, не захочет иметь с Урсулой ничего общего. От этой мысли перехватывает дыхание, грудь пронзает нестерпимая боль. Остается лишь надеяться, что Руби простит Урсулу, освободив ее от угрызений совести, которые хуже всякой тюрьмы.

Поглощенная мыслями о Руби, Урсула забывает надеть халат, присаживаясь возле секретера из красного дерева. Воскурив благовония из полыни и лавра, она смотрит, как кудрявится дымок, рисуя в воздухе письмена. Вдыхая сладкий аромат, Урсула берет лиловый шелковый мешочек и высыпает его содержимое себе на ладонь.

Это карты Таро, размером больше обычных, с потрепанными уголками. Сколько же бесчисленных часов провела Урсула за гаданием. Она тасует колоду. Хоть и ветхие, карты все равно потрескивают, рассыпая электрические искры. Разделив колоду на три части, Урсула начинает делать расклад, укладывая карты поверх гептаграммы¹, вырезанной ею на откидной створке секретера восемьдесят лет тому назад.

¹ Гептаграмма — правильный многоугольник с семью вершинами (любой самопересекающийся семиугольник). — *Здесь и далее — прим. переводчика.*

Первая карта по центру — это Башня. Два человека, сраженные ударом молнии, падают с крепостной стены, и их поглощает огонь. Урсуле тревожно, ибо Башня обозначает их поместье — если что-то угрожает ему, значит, и все сестры в опасности.

Вторая карта, уложенная поверх первой в положении «один час», обозначает, конечно же, Табиту. Это Десятка Мечей: человек лежит лицом вниз на земле, в спину его воткнуты десять мечей. Увидев эту карту во время недавнего гадания, Урсула подумала, что неплохо бы сходить к иглотерапевту, но сейчас, при данной комбинации, она начинает нервно ерзать на стуле.

Третья, четвертая и пятая карты (в положениях относительно первой на «три часа», «половина пятого» и «шесть часов») изображают следующее: человек (скорее всего, Квини) борется с непомерной ношей; пронзенное мечами сердце (Урсула); рогатое чудовище нависло над скованными вместе мужчиной и женщиной (женщина, разумеется, Иезавель). Видя перед собой столько тревожных карт, Урсула издает громкий стон.

Она поспешно выкладывает шестую, седьмую и восьмую карты в положениях «половина восьмого», «девять» и «одиннадцать часов». Урсула ахает, видя плачущего в кровати мужчину. Над ним нависли девять мечей (что символизирует вину Урсулы перед Руби), далее — скелет в доспехах на коне (это про город Кричли Хэкл), и еще двое несчастных бредут босиком по снегу (определенно Айви). Итак, перед Урсулой восемь очень плохих карт, и она сотрясается от ужаса подобно ангельскому дубу.

Расклад говорит о том, что Урсуле следует *немедленно* трубить тревогу, но однажды она уже совершила ошибку, приведшую к печальным последствиям. Поэтому лучше удостовериться на сто процентов.

Она снова тасует карты и снова раскладывает их, получив тот же страшный результат: угроза предстает перед ней еще с более яркой очевидностью — как если бы сама Богиня прислала почтового голубя с посланием: *Грядет беда, стучится в окно и ждет момента, чтобы войти в дом!*

И все равно Урсула пока не объявляет тревогу, обуреваемая сомнениями. Свойство сомнений таково, что они пробивают наши защитные рефлексy, истончая самосознание, и мы больше не узнаем свой внутренний голос, перестаем ему верить.

Урсуле уже знакомо это чувство отстраненности, когда возникает единственный порыв — трижды перепроверить все знаки и уж только потом довериться им. Поэтому она берет волшебную палочку и выходит в коридор. Одним магическим рывком она преодолевает пространство, минуя комнаты Руби и Иезавель, и оказывается возле лестницы в левом крыле дома.

И лишь увидев впереди стеклянную оранжерею Айви, охваченная паникой, она переходит на бег.

2

Суббота, 23 октября
Утро

Десять минут до тревоги. Иезавель лежит в постели, ее черные волосы разметались по шелковой подушке, веки тяжелые, она с трудом открывает карие глаза. Во рту сухо, от похмелья раскалывается голова, виски словно сдавило металлическим обручем.

Сегодня ее очередь готовить завтрак, и Иезавель собирается удивить подруг, устроив блинный пикник. Разумеется, она все организует в оранжерее Айви, а не на промозглом октябрьском воздухе. Опять же, пикник на улице *автоматически* исключает присутствие на нем Табиты из-за ее прогрессирующей агорафобии.

Это будет последняя трапеза без Руби, и Иезавель ждет не дождется возвращения сестры в их внутреннее святилище. Даже удивительно, что за время отсутствия Руби ведьмы-оторвы, совершившие одно из самых грандиозных магических ограблений всех времен, превратились в благонаправных отшельниц. Теперь каждый их день точная копия другого.

Утро у них начинается с распития десятков эликсиров, тоников и смузи (несмотря на увещания Иезавель, Айви категорически отказывается подавать их в маленьких стопках), затем — упражнения по растяжке, чтобы оградить себя от травм, связанных с любовными утехами (Иезавель), или чтобы не сло-

мать бедро во время натягивания компрессионных чулок (это делают все, кроме Тэбби, которая, несмотря на пользу оных, согласится носить это уродство только через ее труп).

Сестры соблюдают режим приема пищи, готовя по очереди (кроме Квини, конечно, у которой вечно все подгорает), а еще работают на винокурне. Также они вместе играют в бридж или бинго. И это теперь у них называется групповой активностью.

Как же мы дошли до такого? — спрашивает себя Иезавель. — *Когда же я успела состариться? Ведь когда-то групповой активностью для меня были оргии — и чем безумнее, тем лучше.*

Но ничего: вот приедет Руби, встряхнет их, оживит, ибо все они превратились в ходячие трупы. Если только Руби действительно собирается вернуться домой. Если только захочет с ними общаться.

Размышления Иезавель прерывает чей-то храп: она с трудом переворачивается на другой бок и видит рядом с собой спящего голого мужчину.

— Кен? — громким шепотом зовет она и толкает мужчину в плечо. — Кен, тебе следует убраться отсюда, пока мои сестры не проснулись.

Мужчина всхрапывает и что-то бормочет, но ничего не разобрать: он лежит на животе, уткнувшись лицом в подушку.

— Что ты сказал? — спрашивает Иезавель.

Он отрывает голову от подушки:

— Я же говорю: я не Кен.

Какая досада — Иезавель не первый раз путает имена любовников, но имя этого вроде созвучно с Кеном.

— Бен? — навскидку пытается вспомнить она.

— Да нет же. — Он снова роняет голову на подушку.

Иезавель делает еще одну, последнюю, попытку:

— Может, тогда Глен?

— Господи боже мой, я Найджел, — зло говорит он, перекачиваясь на спину.

«Ну и дела», — думает Иезавель.

— Как скажешь, Найджел, только тебе пора уходить.

Он приподнимается на локтях и спрашивает:

— Ты что, живешь со своими родственниками? — Это он так запоздало реагирует на ее реплику про сестер.

Иезавель могла бы сказать: да, она живет с тем, что осталось от ее семьи, но ведь Найджел другое имел в виду. Можно было бы ему объяснить. Только зачем? Он все равно ничего не вспомнит, и каждая лишняя минута его пребывания тут означает, что в коридоре он может натолкнуться на Квинни. Такое уже случалось пару раз, а Иезавель надоели нравовучения про то, что она не заботится о безопасности сестринства.

— Да, так и есть, и им не очень-то понравится, если они тебя тут увидят. Поэтому тебе лучше уйти.

— А я-то думал, что мы еще покувыркаемся.

Найджел бросает взгляд на ее черное сатиновое negligee с плотным лифом, выставляющим напоказ грудь, что свела с ума множество мужчин и не меньшее количество женщин. Найджел игриво поводит бровями, глядя на свой вялый член, очевидно, надеясь, что он и теперь не подкачает.

Этот несчастный олух даже не подозревает, что его буйная эрекция — результат стараний Иезавель, о чем, кстати, она быстро пожалела. Некоторые мужчины, получив дар твердого члена, начинают вести себя как мальчишки — вот и Найджел из их числа. Он тыкал в нее пенисом, позабыв о ласках, заботясь исключительно о собственном удовольствии и оставив Иезавель неудовлетворенной.

Если б Найджел был хорошим любовником, как, например, тот, что помоложе, на прошлой неделе, возможно, Иезавель и позволила бы ему остаться.

— Не будет тебе больше никакого кувыркания, — говорит она, уже представляя, как он кувыркается, скатываясь вниз по лестнице. — Просто уходи.